

ДОН НИГРО

ВЕНЕРА

БОТТИЧЕЛЛИ

Дон Нигро

Венера Боттичелли

«Автор»

2017

Нигро Д.

Венера Боттичелли / Д. Нигро — «Автор», 2017

Дон Нигро «Венера Боттичелли/Venus Botticelli». 11 актеров (4 женских и 7 мужских ролей). Драма. Сюрреалистическая такая пьеса. Любимая Доном Флоренция времен Ренессанса («Макиавелли», «Паоло и Франческа») и современный Нью-Йорк. Повесть о любви Боттичелли и его музы, Симонетты Веспуччи, которой покоряются и время, и расстояния. «Мастер и Маргарита» где-то рядом.

© Нигро Д., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Действующие лица	6
Декорация	7
Действие первое	8
Картина 1. Весна	8
Картина 2. Лоренцо де Медичи	11
Картина 3. Джулиано де Медичи	14
Картина 4. Портрет Симонетты Веспуччи	16
Картина 5. Венера и Марс	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дон Нигро Венера Боттичелли

Посвящается Татьяне Кот

*«Эгею бурным, колыбель чрез лоно
Федиты поплыла средь пенных вод,
Создание иного небосклона,
Лицом с людьми несходная встает
В прелестной позе, глядя оживленно,
В ней девственности юная. Влечет
Зефир влюбленный раковину к берегу,
И небеса их радуются бегу».*

Полициано, «Джостра»

*«Вот я и говорю, тебя будут принимать за безумца»
Леонардо да Винчи, предупреждение о том, каково быть настоящим
художником.*

Действующие лица

СИМОНЕТТА/НАТАЛЬЯ
БОТТИЧЕЛЛИ
ЛОРЕНЦО ДЕ МЕДИЧИ/ЛОРЕНЦО
ПОЛИЦИАНО/САВОНАРОЛА
ДЖУЛИАНО ДЕ МЕДИЧИ
ВЕСПУЧЧИ/ФРА ЛИППО ЛИППИ
ПАЦЦИ/ПЕРВЫЙ ДЕМОН
БАНДИНИ/ВТОРОЙ ДЕМОН
БЬЯНКА/ПЕРВАЯ МОНАХИНЯ/ПЕРВАЯ НИМФА
КЛАРИЧЕ/ВТОРАЯ МОНАХИНЯ/ВТОРАЯ НИМФА
ЦЫГАНКА/ТРЕТЬЯ МОНАХИНЯ/ТРЕТЬЯ НИМФА

Декорация

Единая декорация, которая одновременно квартира НАТАЛЬИ в старом доме в Гринвич-Виллидж, настоящее время, студия БОТТИЧЕЛЛИ в средневековой Флоренции эпохи Возрождения и мир в картинах БОТТИЧЕЛЛИ. Лабиринт лестниц и пустых окон, они также рамы картин, из которых актеры могут выглядывать в разные времена. По ходу спектакля декорация остается неизменной. Места действия – не отдельные зоны. Они накладываются друг на друга и существуют одновременно в голове НАТАЛЬИ. Иной раз мы видим, как персонажи наблюдают за действием из этих картинным рам, напоминая людей, заглядывающих в окна, изображения в зеркалах, фигуры на картинах. Они приходят и уходят по ходу пьесы, спокойный, нескончаемый поток образов.

Действие первое

Картина 1. Весна

(Свет падает на СИМОНЕТТУ, которая будет появляться в разном возрасте, от шестнадцати до сорока с небольшим лет, в зависимости от ситуации. На одном уровне реальности она – красивая русская женщина лет сорока, работающая в художественном музее Нью-Йорка, в своей квартире в Гринвич-Виллидж, но также, мысленно, на другом уровне реальности, в средневековой Флоренции эпохи Ренессанса, и в мирах картин Боттичелли, который сидит у мольберта с одной стороны сцены, пьет. Декорация – лабиринт лестниц, платформ и пустых рам/окон, в которой другие персонажи из ее разума могут появляться и исчезать когда угодно и где угодно, и часто видимы и в образе в различных частях сцены, когда напрямую не заняты в конкретной картине. Это спокойный, постоянный поток людей, возникающих в ее сознании и исчезающих из него, иногда только голоса в темноте, иногда – силуэты, едва видимые в тенях).

СИМОНЕТТА. Размышления о «Рождении Венеры» Боттичелли. Стенания богини Ренессанса, теперь уже без ребенка, вечером после выставки, которая, несмотря на яркие слои сложного смыслового значения картин Боттичелли, теперь трактуется совершенно бессмысленной в свете гротескных и необъяснимых событий.

ЛОРЕНЦО *(стук в дверь, голос из темноты)*. Наталья?

СИМОНЕТТА. Она часто замечала похотливых ангелов, подглядывающих в окно, в надежде застать богиню, поднимающейся из ванны.

ПАЦЦИ *(лицо, заглядывающее в окно)*. Боттичелли.

БАНДИНИ *(еще лицо, рядом с ПАЦЦИ)*. Боттичелли.

ВЕСПУЧЧИ *(его лицо появляется над первыми двумя)*. Боттичелли.

СИМОНЕТТА. Или возьмем, для примера, «Весну». Наваянная отрывками творений Гомера, Сенеки, Лукреция, Вергилия, Овидия и Анджело Полициано, поэта, наиболее близко связанного с Медичи.

ПОЛИЦИАНО *(голос из теней)*. Не смотри так. Не смотри сюда. Смотри в сторону.

СИМОНЕТТА. Созданная для Лоренцо де Медичи, прозванного Великолепным, мы видим с одной стороны строго одетой Венеры Меркурия, со змеем вокруг жезла, и трех Граций...

(Голоса из теней).

БЬЯНКА. Симонетта. Ты нам нужна.

КЛАРИЧЕ. Цыганка предсказывает нам будущее по картам Таро.

ЦЫГАНКА. Русалка. Голландская кровь.

СИМОНЕТТА. С другой стороны Венеры Зефир, теплый весенний ветер, спешащий по апельсиновой роще, чтобы овладеть нимфой Хлорис, которая его прикосновением превращается во Флору, богиню всего цветущего, акцентирую основной лейтмотив Боттичелли: постоянную трансформацию личности...

ЛОРЕНЦО *(стучит в дверь)*. Наталья?

СИМОНЕТТА. И отметьте также, что дует ветер в апельсиновой роще, символе Медичи. Говорили также, что апельсиновая роща в саду при дворце Медичи служила предсказательницей судьбы семьи...

ПАЦЦИ. Боттичелли.

БАНДИНИ. Боттичелли.

ВЕСПУЧЧИ. Боттичелли.

БОТТИЧЕЛЛИ. Она поднимается обнаженной из вод.

СИМОНЕТТА. Боттичелли всегда был дураком с красивым лицом и хорошо сложенным телом. Но он начал тревожиться из-за этого, все больше и больше, опасаясь, что романтическая страсть сокрушит его, и он в ней утонет.

БОТТИЧЕЛЛИ. Перестань мучить меня.

СИМОНЕТТА. Я говорю с ним, пока он работает. Я не знаю, слушает он или нет. Он смотрит на меня, но слушает что-то еще.

ЛОРЕНЦО (*стучит, голос из темноты*). Наталья? Ты здесь?

СИМОНЕТТА. В ворота стучат. Демоны.

САВОНАРОЛА (*яростный, фанатический голос из темноты за сценой*). ДЕМОНЫ! ДЕМОНЫ! ДЕМОНЫ!

ЛОРЕНЦО. Наталья, ты нам нужна.

СИМОНЕТТА. Нет здесь никого с таким именем. Только я. Только Симонетта.

БОТТИЧЕЛЛИ. Даже когда я закрываю глаза, ты здесь, нарисованная под моими веками.

СИМОНЕТТА. История моего происхождения подозрительна, моя иконография окутала туманом. Любовь – это прекрасная подделка. Я поднимаюсь обнаженной из вод. Заточенная в раме.

ЛОРЕНЦО. Наталья? Я знаю, что ты здесь. Впусти меня.

СИМОНЕТТА. Это Лоренцо, музейный ужас. Та, кого он называет Натальей, сегодня не вышла на работу, и я не отвечаю на звонки.

ЛОРЕНЦО. Наталья! Выставка!

СИМОНЕТТА. Выставка открывается сегодня, и человечки собираются. Все человечки влюблены в меня. Нью-Йорк населен только человечками.

ЛОРЕНЦО. Есть здесь кто-нибудь?

СИМОНЕТТА. Есть здесь кто-нибудь? Очень хороший вопрос, на который сейчас нет у меня ответа.

БОТТИЧЕЛЛИ. Я стараюсь не думать о ней, но ночью я слышу стоны из обители безумных монахинь по другую сторону стены.

(*Голоса за сценой*).

ПЕРВАЯ МОНАХИНЯ. О-О-О-О-О-О-ОХ!

ВТОРАЯ МОНАХИНЯ. О-О-О-О-О-О-О-О-О-ОХ!

ТРЕТЬЯ МОНАХИНЯ. Господи Иисусе. Господи. Господи.

СИМОНЕТТА. Брачные визиты Христа к своим невестам.

САВОНАРОЛА (*голос из темноты*). БОГОХУЛЬСТВО! ДЕМОНЫ! ДЕМОНЫ!

СИМОНЕТТА. Вечером, лежа в постели, перед тем, как заснуть, я слышу эти голоса.

ДЖУЛИАНО (*смотрит на нее через одну из рам, в тених*). У нас шесть красных шаров.

ПАЦЦИ. Мы отправляем тебя в ад.

БАНДИНИ. Я ел торт в кладовой.

СИМОНЕТТА. Мертвое собирается в моем правом полушарии, как нерожденный близнец, запечатанный в скорлупе грецкого ореха. Время – старый проигрыватель. Прошрое, настоящее и будущее закодированы на пластинке. Настоящее – место контакта с иглой. Бог – электричество, позволяющее пластинке вращаться. Если найдется хоть один, читающий иероглифы, все языческое человечество будет спасено. Ренессанс.

САВОНАРОЛА. Вы сгорите. Вы все сгорите. Все сгорит.

ВЕСПУЧЧИ. Иногда у нее ощущение, что она не может дышать.

ЛОРЕНЦО. Наталья? Ты в порядке?

СИМОНЕТТА. «Ты в порядке?» – спрашивает голос по другую сторону двери или в моей голове. Разумеется, я не в порядке. Я в сознании. Если только не сплю. Мне часто снится, как

я бегу голой по лесу, преследуемая сворой диких собак и всадником с мечом. Собака кусает мою плоть. И этот мужчина кричит: «Вспорем ей живот! Скормит внутренности собакам!» Он охотится за мной в лесу, как дьявол. Потом я просыпаюсь, и я кто-то еще, и не могу дышать. Я – разные женщины с одним лицом, и некоторые из них – призраки. Особенно, когда я пью. Водка – яд, но любовь еще более смертоносна.

БОТТИЧЕЛЛИ. Почему ты так мучаешь меня? Не можешь просто убраться из моей головы?

СИМОНЕТТА. Я – Венера Боттичелли. Я поднимаюсь из моря на раковине. Я плыву на Кипр за водкой. Я раздеваюсь ради искусства. Но чтобы открыть душу, нужно содрать с себя кожу. Кожа – маскировка, как и одежда. Одежда – произведение искусства, но также и форма обмана, других и себя. Одежда – ложное тело, которое, в свою очередь, маскировка души. Я – ложная, но при этом и настоящая, потому что под кожей я – голая в глазах Бога. Должна быть, если он не слеп, безумен, мертв. Темнота – необходимость. В свете мы видим, но, не будь темноты, свет ослеплял бы нас. Только темнота уберегает нас от слепоты.

ЛОРЕНЦО (*стучит*). Наталья. Наталья. У нас так мало времени.

СИМОНЕТТА. Нет здесь Натальи. Наталья умерла в апельсиновой роще, и стала Мадонной с гранатом. Теперь здесь только Симонетта, и ее миссия – являться Боттичелли.

Картина 2. Лоренцо де Медичи

(БОТТИЧЕЛЛИ сидит в тени. Появляется ЛОРЕНЦО ДЕ МЕДИЧИ, и теперь мы во Флоренции, Италия, году в 1510. СИМОНЕТТА наблюдает, потягивая водку).

ЛОРЕНЦО. Ты что, не слышал, как я стучал в дверь?

БОТТИЧЕЛЛИ. Ради Бога, оставь меня в покое.

СИМОНЕТТА. Портрет Лоренцо де Медичи, прозванного Лоренцо Великолепным, правителя Флоренции, покровителя искусств, друга Боттичелли.

ЛОРЕНЦО. Почему ты прячешься в этой грязной, вонючей норе? Почему ты так живешь? Почему ты не рисуешь?

САВОНАРОЛА *(голос из теней)*. Все искусство – от дьявола.

БОТТИЧЕЛЛИ. Все искусство – от дьявола.

ЛОРЕНЦО. Только не говори мне, что этот безумный сукин сын Савонарола по-прежнему как крыса ползает в твоей голове.

САВОНАРОЛА *(голос из теней)*. БОГОХУЛЬСТВО! ДЕМОНЫ! ДЕМОНЫ!

БОТТИЧЕЛЛИ. Не насмехайся над ним. Он – великий человек.

ЛОРЕНЦО. Он – безумный, злобный мешок с говном.

САВОНАРОЛА *(голос из теней)*. Я вижу черный крест. И чудовищную бурю в аду. И золотой крест, и умиротворенность рая. Потому что все мертвы.

БОТТИЧЕЛЛИ. Он – голос Бога.

ЛОРЕНЦО. Савонарола был пироманьяком, который получал сексуальное удовлетворение, наблюдая за сжигающим огнем.

БОТТИЧЕЛЛИ. Ты говоришь это сейчас, но ведь именно ты пригласил его во Флоренцию.

ЛОРЕНЦО. Это один из многих моих грехов, за которые я буду гореть в аду, бок о бок с ним. По дурости я подумал, что он может принести новые идеи и духовное возрождение самым вздорным людям на земле, а вместо этого он разжег костер и принялся сжигать книги и картины.

БОТТИЧЕЛЛИ. Он сжигал только нечистые картины.

ЛОРЕНЦО. Он сжигал ТВОИ картины. Слава Богу, не смог добраться до большинства из них. Позор тебе, извиняться за этого лунатика и поворачиваться спиной к своей работе. Нельзя расточать такой талант. На что ты теперь живешь?

БОТТИЧЕЛЛИ. Ни на что. Я живу ни на что.

ЛОРЕНЦО. Что с тобой произошло? Неважно. Не хочу знать. Мы вытащим тебя из этой дыры, и ты кое-что нарисуешь для меня.

БОТТИЧЕЛЛИ. Я больше не рисую.

ЛОРЕНЦО. Что ж, начнешь снова. Я заплачу тебе больше, чем это стоит, и обеспечу пристойным жильем.

БОТТИЧЕЛЛИ. Медичи всегда верили, что деньги решат любую проблему. Ты управляешь Флоренцией и думаешь, что у тебя власть, но это иллюзия.

ЛОРЕНЦО. Мы используем деньги, что делалось нужное и не делалось обратное. Мы всего лишь банкиры, потому что не доверяем наши деньги кому-то еще, зная, что большинство банкиров – преступники. Это правда, мы разбогатели на деньги других людей, но мы всегда заботились о бедных.

БОТТИЧЕЛЛИ. Потому что это прибыльный бизнес.

ЛОРЕНЦО. Потому что большинство человеческих существ не способны управлять даже собой. Без людей вроде нас, приглядывающих за ними, они оказываются во власти или тира-

нов, которые самолюбивые монстры, или хаоса. Мы создали прекрасный город, в котором возможна достойная жизнь, мы поддерживаем искусство, литературу, науку, мы сохраняем древние рукописи. С нашей помощью создаются шедевры. Именно этим ты и занимался, пока не начал сжигать свои картины, следуя указаниям религиозного фанатика, а потом еще и заполз в эту нору, чтобы умереть.

БОТТИЧЕЛЛИ. Сохранение древних рукописей. Ты действительно думаешь, что тебе удастся что-то спасти? Все, сохранением чего ты так гордишься, будет уничтожено. Все, что я нарисовал, будет уничтожено. Все будет уничтожено.

ЛОРЕНЦО. Еще одна причина ценить все это, пока оно у нас есть. Знаешь, что бы я отдал за способность рисовать, как ты. Но даже обладай я таким даром, я не смог бы бросить то, что делаю сейчас. Потому что такие дураки, как ты, нуждаются в таких людях, как я. Или вы никогда не проживете достаточно долго, чтобы создать хоть что-нибудь. Это та девушка? Тебя все еще мучает та девушка? Долгие годы ее лицо продолжает появляться на всех твоих картинах, и теперь...

БОТТИЧЕЛЛИ. Оставь меня в покое. Тебя все равно здесь нет. Ты мертв. Лоренцо де Медичи умер давным-давно. Ты – еще одна галлюцинация, посланная дьяволом, как и все прочее в моей жизни.

ЛОРЕНЦО. Когда ты передумаешь, моя дверь по-прежнему открыта для тебя. (*Уходит*).

БОТТИЧЕЛЛИ. Это дверь могилы.

СИМОНЕТТА. Как многие гении, во всем остальном ты – дурак. Почему ты оттолкнул его? Он пытался тебе помочь.

БОТТИЧЕЛЛИ. Он не пытался мне помочь. Его здесь не было. Лоренцо де Медичи мертв. Он умер давным-давно. Все вы – демоны, которые приходят из ада, чтобы мучить меня.

СИМОНЕТТА. В руинах музея, который в разуме Бога, все времена и места сосуществуют. Эротическое и садистское, священное и нечестивое, все перемешено у тебя в голове. Я такая же. На меня лучше всего смотреть под разными углами одновременно. И на меня так смотрели. Все мужчины на улице всегда смотрели на меня.

САВОНАРОЛА. Магдалена. Вавилонская блудница.

СИМОНЕТТА. Все мужчины Флоренции влюблялись в меня. Бегали за мной. Полициано писал обо мне глупые стихи.

ПОЛИЦИАНО (*говорит из одной из пустых рам*).

«И девушка с лицом богини нежным,
Плывет на ней, качаясь по волнам».

БАНДИНИ (*выглядывая из другой рамы*). Я ел торт в кладовой.

СИМОНЕТТА. Мужчины отталкивали друг друга, чтобы приблизиться и поклониться мне. Это было ужасно. Но и радовало. А теперь я в музее, в ловушке деревянной рамы. Я выжила в нескольких вариациях. Предмет вожделения должен быть на расстоянии руки, но оставаться недоступным. Я выучила это в другой жизни, когда стриптизом зарабатывала деньги на обучение.

БОТТИЧЕЛЛИ. В другой жизни? О чем ты говоришь? Половину времени ты просто не знаешь, что говоришь.

СИМОНЕТТА. Необходимо научиться расслабляться, если хочешь танцевать экзотические танцы. Раздеваться догола перед другими на самом деле способ укрыться от себя. Тем самым отвлекается внимание от твоей души. Главное – знать, что снимать нельзя. Неожиданный короткий взгляд, прищур левого глаза, в нужном контексте, в нужный момент толкали мужчин на самопожертвование. Мужчин хороши только для совокупления, да и в этом не так

хороши. Но в музее запрещено прикасаться к картинам. Прикосновение к картине карается смертью.

БОТТИЧЕЛЛИ. Я не понимаю тебя, когда ты так говоришь. И не хочу. Я только хочу, чтобы ты ушла и оставила меня в покое.

ЛОРЕНЦО (*стучит в дверь, в темноте*). НАТАЛЬЯ! Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ЗДЕСЬ!

СИМОНЕТТА. Ты помнишь, когда нарисовал меня в первый раз?

БОТТИЧЕЛЛИ. Нет. Не хочу вспоминать.

СИМОНЕТТА. Ты старался вести себя, как профессионал.

БОТТИЧЕЛЛИ. Я был профессионалом. Я работал. Это была моя работа.

ЛОРЕНЦО (*барабанит в дверь*). НАТАЛЬЯ, КЛЯНУСЬ БОГОМ, ЕСЛИ ТЫ СЕЙЧАС ЖЕ НЕ ВЫЙДЕШЬ, ТЫ УВОЛЕНА! НА ЭТОТ РАЗ Я ГОВОРЮ СЕРЬЕЗНО!

СИМОНЕТТА. Это Джулиано, брат Лоренцо захотел мой портрет. Он меня любил. Я думаю, он меня любил. Или думал, что любит меня, потому что не мог мною обладать. В любом случае, он меня хотел. Но меня хотели все.

ЛОРЕНЦО. НАТАЛЬЯ! НАТАЛЬЯ!

СИМОНЕТТА. Что это? Чувствуешь запах? Кто-то сжигает листья?

БОТТИЧЕЛЛИ. Это костер на площади. Они сжигают мои картины.

САВОНАРОЛА. ДЕМОНЫ! ДЕМОНЫ! ДЕМОНЫ! ДЕМОНЫ! ДЕМОНЫ!

Картина 3. Джулиано де Медичи

(ДЖУЛИАНО ДЕ МЕДИЧИ в студии БОТТИЧЕЛЛИ во Флоренции. 1470-е гг. СИМОНЕТТА остается, наблюдает из теней, с водкой).

ДЖУЛИАНО. Мой брат Лоренцо очень высоко отзывается о твоей работе. Я хочу, чтобы ты написал для меня портрет.

БОТТИЧЕЛЛИ. Для меня это большая честь, синьор. Когда бы у вас ни нашлось время, чтобы прийти и позировать мне...

ДЖУЛИАНО. Нет. Не мой. Мне нужен портрет Симонетты Веспуччи.

БОТТИЧЕЛЛИ. Ох. Ну, разумеется.

ДЖУЛИАНО. Что? Тебе кажется странным, что я заказываю портрет жену другого мужчины?

БОТТИЧЕЛЛИ. Нет. Разумеется, нет. Она прекрасна.

ДЖУЛИАНО. Дело не в этом. Ладно, в этом тоже, но не только. Она из тех людей, на которых смотришь и думаешь – да, впечатляет. То же происходит, когда ты сталкиваешься с чем-то прекрасным, а потом поворачиваешься, чтобы посмотреть на другое, но что-то заставляет тебя повернуться и вновь посмотреть на нее, а потом ты обнаруживаешь, что не можешь отвести от нее глаз. Некоторые женщины просто остаются в твоей голове. И не скажешь с точностью, почему. С картинами то же самое, правда? Некоторые сделаны весьма умело, но ты смотришь на них, а потом идешь дальше и даже не вспоминаешь, тогда как другие преследуют тебя, как призраки. Ты с этим сталкивался, так? Вот я и подумал, если у меня будет ее портрет, я смогу постоянно смотреть на него и не думать о том, что это невероятное существо постоянно оскверняет какой-то болван. Да только... Разумеется, в итоге мне станет только хуже. От всего мне становится только хуже. Если кто-нибудь спросит тебя, не было у нас этого разговора. Начав говорить о ней, я, похоже, не могу остановиться. А еще я выпил. Это заметно? Неважно. Нет смысла заставлять тебя лгать ради меня. У моего брата Лоренцо взгляд на мир более ясный, чем у меня. Я из тех дураков, которые позволяют эмоциям портить мне настроение. Мой брат – из тех, которые не позволяют. А ты из каких дураков?

БОТТИЧЕЛЛИ. Из тех, которые рисуют. Я смотрю и рисую то, что вижу. Вот и все.

ДЖУЛИАНО. Но откуда у тебя уверенность, что твой взгляд не замутнен тем, что ты хочешь видеть, или тем, что ты боишься увидеть?

БОТТИЧЕЛЛИ. Я ни в чем не уверен, и рисую то, что рисую. Это просто происходит, ничего больше. Людям нравится или не нравится. Больше я ничего об этом не знаю.

САВОНАРОЛА *(выглядывая из одной рамы-окна)*. Не делай этого! Это ловушка. Любая женщина – ловушка. А эта – демонесса. Присланная из ада, чтобы погубить тебя.

ДЖУЛИАНО. Ты когда-нибудь влюблялся в женщин, которых рисовал?

БОТТИЧЕЛЛИ. Никогда.

СИМОНЕТТА. Лжец.

БОТТИЧЕЛЛИ. В каком-то смысле ты влюбляешься во все, что рисуешь. Портрет – попытка ухватить чью-то сущность. Но иногда ухватывают именно тебя. Ты смотришь на портрет, оказываешься заточенным в душе изображенного на нем человека и не можешь выбраться. Картины – они очень опасные.

СИМОНЕТТА. Художник всегда рисует себя.

ДЖУЛИАНО. Я понятия не имею, о чем ты говоришь. Но Лоренцо считает, что я могу довериться тебе, и Лоренцо никому не доверяет, поэтому я прошу тебя нарисовать Симонетту. Если мне понравится то, что я увижу, я очень щедро тебе заплачу. И ты, вероятно, тоже в нее влюбишься. Как знать, может, избежать этого невозможно. Но у нас должна быть ясность

и в другом. Если ты прикоснешься к ней, я отрежу тебя яйца и скормлю моим собакам. Мы поняли друг друга? Отлично.

(ДЖУЛИАНО уходит, БОТТИЧЕЛЛИ с тревогой наблюдает, как СИМОНЕТТА выходит в свет).

Картина 4. Портрет Симонетты Веспуччи

(СИМОНЕТТА позирует БОТТИЧЕЛЛИ)

СИМОНЕТТА. О чем ты думаешь, когда рисуешь меня?

(Никакой реакции от БОТТИЧЕЛЛИ, он увлеченно работает).

БОТТИЧЕЛЛИ. Извините. Что?

СИМОНЕТТА. Я спросила, о чем ты думаешь, когда рисуешь меня?

БОТТИЧЕЛЛИ. Я не думаю. Я рисую.

СИМОНЕТТА. Ты не думаешь, когда рисуешь? Правда? Или ты просто используешь другую часть мозга? Меня интересует непосредственный процесс творения, и мысли должны в этом участвовать, так или иначе. Я хочу сказать, если ты не думаешь, то откуда знаешь, что делать?

БОТТИЧЕЛЛИ. Наверное, я думаю, когда рисую, но не так, как обычно. Я в большей степени сосредоточен на... может, вы правы, я использую ту часть моего мозга, которая... Пожалуйста, не могли бы вы заткнуться? Вы меня отвлекаете.

СИМОНЕТТА. Нет у тебя права приказывать мне заткнуться. Знай свое место!

БОТТИЧЕЛЛИ. Извините, С моей стороны, это непростительно. Не понимаю, откуда только взялось.

СИМОНЕТТА. Но, может, в этом что-то есть. Я хочу сказать, мы не знаем, откуда это идет. Вероятно, из более глубокой части мозга, чем та, которая думает. Поэтому эти грубые слова просто вырвались из тебя, поскольку здравомыслящий человек никогда не станет оскорблять клиента, который пришел к нему от Медичи.

БОТТИЧЕЛЛИ. Больше такого не повторится.

СИМОНЕТТА. Но я хочу, чтобы повторилось. Мне не нравится, что не льстец, как большинство из них.

БОТТИЧЕЛЛИ. Когда я работаю и меня отвлекают, я ощущаю практически неодолимое желание кого-то убить. Словно мне в мозг загоняют нож для колки льда.

СИМОНЕТТА. Что ж, я лучше помолчу. Не нужна нам кровь на твоих руках.

ЦЫГАНКА *(наблюдая за ними из теней)*. Желаете лилию, синьор?

БОТТИЧЕЛЛИ. Я вас обидел.

СИМОНЕТТА. Это неважно. Художники не такие, как обычные люди. Они грубы от природы. Возможно, это воздействие паров краски. Я слышала, эти пары могут свести с ума.

БОТТИЧЕЛЛИ. Когда я работаю, мой разум куда-то уходит. Перемещается в другое измерение. И если что-то сбивает меня с этого режима видения, вернуться обратно так трудно. На само деле, это невозможно объяснить.

СИМОНЕТТА. Ты говоришь, что я всего лишь юная дурочка, которая слишком глупа, чтобы такое понять?

БОТТИЧЕЛЛИ. Нет, я ничего такого не говорю. Я думаю, вы абсолютно...

СИМОНЕТТА. Что? Я абсолютно что?

БОТТИЧЕЛЛИ. Не хочу я сболтнуть лишнее.

СИМОНЕТТА. А ты сболтни. Скажи мне правду, хоть раз. Надоело мне слушать мужчин, которые контролируют каждое свое слово, говоря со мной. Словно я ребенок или слабоумная. Просто скажи мне правду.

БОТТИЧЕЛЛИ. Правда в том, что я не постоянно смотрю на вас. Даже когда вас здесь нет, ваш послеобраз у меня в голове очень яркий, как призрак.

СИМОНЕТТА. Возможно, я и есть призрак. Иногда я ощущаю себя призраком.

БОТТИЧЕЛЛИ. Художника всегда что-то преследует. Место. Картина. Музыкальное произведение. Стихотворение. Или человек, с которым ты чувствуешь себя связанным каким-то мистическим образом. Увлеченный работой, я растворяюсь в том, что рисую, и словно попадаю в сон. Рисовать вас – как вспоминать что-то ранее приснившееся. Вы улавливаете смысл?

СИМОНЕТТА. Не так, чтобы очень. Да только я думаю, что это чувство мне знакомо. Иногда, в некоторых местах, я чувствую, что все это уже случилось со мной, только я смотрю на происходящее под другим углом. И на меня, наверное, лучше всего одновременно смотреть с разных углов.

БОТТИЧЕЛЛИ. Но это невозможно.

СИМОНЕТТА. Возможно, если ты – несколько человек сразу.

БОТТИЧЕЛЛИ. Но я – не несколько разных людей.

СИМОНЕТТА. Ты уверен? Потому что я – такая. Я – несколько разных людей, и, вероятно, некоторых я еще не встречала. Думаю, я – призрак. Все это на самом деле случилось давно, и теперь ты – одинокий старик в грязной комнате, вспоминающий меня. Иногда мне кажется, что я могу буквально помнить будущее, как та молодая цыганка, которую жена Лоренцо де Медичи нашла на улице, где она продавала цветы.

ЦЫГАНКА. Желаете лилию, синьор?

СИМОНЕТТА. Она всегда так грустно смотрит на меня, словно знает что-то такое, чего говорить мне не хочет. И я иногда могу видеть прошлое, очень отчетливо, пусть даже я там не была, но, возможно, не совсем так, как произошло на самом деле. И часто мне кажется, что я заточена в раме, как картина. Именно этим ты и занимаешься. Создаешь тюрьму для моей души. Я буду заточена внутри, как демон – в зеркале. Люди будут смотреться в это зеркало, а я – красть их души. И никогда их не верну, потому что там очень одиноко. *(Пауза)*. Что?

БОТТИЧЕЛЛИ. Вы очень странная, знаете ли.

СИМОНЕТТА. Да, но я собираюсь заткнуться, чтобы ты мог рисовать. Но, наверное, ненадолго. Я редко могу заставить себя заткнуться надолго. Время помолчать – когда ты мертв. Если, конечно, не возвращаешься призраком, чтобы не давать покоя художнику. Хорошо. На этом затыкаюсь. *(Короткая пауза)*. А иногда я могу читать мысли.

БОТТИЧЕЛЛИ. Правда? И что я думаю?

СИМОНЕТТА. Ты думаешь обо мне обнаженной.

БОТТИЧЕЛЛИ. Да, сейчас думаю.

СИМОНЕТТА. И ты задаешься вопросом, любовники ли мы с Джулиано де Медичи.

БОТТИЧЕЛЛИ. Такое мне и в голову не приходило.

СИМОНЕТТА. То есть ты не думаешь, что такой мужчина, как он, может желать такую женщину, как я?

БОТТИЧЕЛЛИ. Такая женщина, как вы, желанна для всех.

СИМОНЕТТА. Тогда почему ты думаешь, что у меня нет любовника? У большинства женщин Флоренции и у всех мужчин есть любовники или любовницы, ведь так?

БОТТИЧЕЛЛИ. Я не говорил, что нет у вас любовника.

СИМОНЕТТА. Так ты думаешь, что у меня есть любовник?

БОТТИЧЕЛЛИ. Я думаю, ваша личная жизнь совершенно меня не касается.

СИМОНЕТТА. Но во Флоренции всё касается всех. Флоренция без сплетен – не Флоренция. И я знаю, обо мне и Джулиано сплетен предостаточно. В том числе и в связи с моим портретом, который он тебе заказал. И он мне очень нравился. Может, не такой умный, как его брат, зато и не такой холодный. И ты должен признать, мой муж – идиот. Вытащить меня из тихой и спокойной Генуи, перевезти во Флоренцию, чтобы я каждый день общалась с Медичи, которые не устают повторять всем и каждому, сколь я прекрасна. Разве этого недостаточно, чтобы вскружить голову любой девушке? Джулиано действительно очень милый, ты со мной согласен? И он не отрывает от меня глаз.

ЛОРЕНЦО (*стучит в дверь в темноте*). Наталья! Почему ты не позволяешь мне войти?

Картина 5. Венера и Марс

(Появляется ДЖУЛИАНО. БОТТИЧЕЛЛИ, продолжающего рисовать, скрывает тень. ТЕПЕРЬ СИМОНЕТТА и ДЖУЛИАНО в апельсиновой роще в саду дворца Медичи, несколькими неделями раньше).

СИМОНЕТТА. Ты не отрываешь от меня глаз. Почему ты не отрываешь от меня глаз?

ДЖУЛИАНО. Ты знаешь ответ на этот вопрос.

СИМОНЕТТА. Но красота – это всего лишь условность. Она не заработана, и, следовательно, ничего не значит. Хотя Полициано и говорит, если знать, как смотреть, ты находишь красоту в самых неожиданных местах. А если смотреть на что-то терпеливо и внимательно, увиденное может стать для тебя откровением. Вот почему я восхищаюсь художниками. Когда они смотрят на тебя, они смотрят именно на тебя.

ДЖУЛИАНО. Но они видят тебя? Или только формы и цвета?

СИМОНЕТТА. Ты меня видишь?

ДЖУЛИАНО. Всякий раз, когда закрываю глаза. Кто-то должен тебя нарисовать.

СИМОНЕТТА. Правда? В каком цвете? Я думаю, красный очень подойдет. Я могу быть алой женщиной в Книге откровений. А может, полосатой, как столб цирюльника. Как же мне хочется уметь рисовать.

ДЖУЛИАНО. Я серьезно. Твою красоту нужно запечатлеть на холсте, чтобы она осталось в вечности.

СИМОНЕТТА. Так ты думаешь, сделать это нужно побыстрее, до того, как я стану уродиной?

ДЖУЛИАНО. Ты будешь прекрасной всегда.

СИМОНЕТТА. Только не после смерти.

ДЖУЛИАНО. Если кто-то нарисует тебя, ты будешь жить вечно.

СИМОНЕТТА. Грустно, увы, но это неправда. Картины смертны, как и люди. Хотя пахнут картины обычно лучше. Я обожаю аромат этой апельсиновой рощи. Это правда, что твой брат не различает запахов? Поэтому он так любит лошадей? Лошади действительно прекрасны. Может, тебе попросить кого-нибудь нарисовать лошадь своего брата?

ДЖУЛИАНО. Ты очень странная девушка, знаешь ли.

СИМОНЕТТА. Почему мне все это говорят? Я слышу от них, что я прекрасна, пока не открываю рот и не начинаю говорить сама. Тогда я становлюсь для них странной. Но они все равно хотят увидеть меня голой.

ДЖУЛИАНО. Ты будешь потрясена, если я тебя поцелую?

СИМОНЕТТА. Я буду потрясена, если не попытаешься. У вас, братьев Медичи, та еще репутация.

ДЖУЛИАНО. Правда? Что ж, мне лучше начать ей соответствовать. *(Наклоняется, чтобы поцеловать ее, но она ускользает)*. Что такое? Это всего лишь поцелуй. Что в этом плохого?

СИМОНЕТТА. Поцелуи опасны. Поцелуи замужней женщины очень опасны. Особенно во Флоренции.

ДЖУЛИАНО. Не для меня. Я – Джулиано де Медичи. Кто посмеет меня остановить? И потом, женщины любят опасность. Она их возбуждает.

СИМОНЕТТА. Тогда женщины, которых ты знаешь, должны быть крайне возбуждены, потому что ты – опасный человек. Я вижу смерть в твоих глазах.

ДЖУЛИАНО. Правда? Свою? Или мою?

СИМОНЕТТА. Не знаю. Думаю, нас обоих.

(Они смотрят друг на дружку. ДЖУЛИАНО вновь собирается ее поцеловать, когда к ним подходит ЛОРЕНЦО ДЕ МЕДИЧИ. ДЖУЛИАНО подается назад).

ЛОРЕНЦО. Вот вы где. Мне следовало догадаться, что Джулиано увел тебя в апельсиновую рощу. Будь осторожна. В саду Медичи полно змей. Кстати, твой муж ищет тебя.

СИМОНЕТТА. Мой муж всегда ищет меня. А я всегда где-то еще.

ЛОРЕНЦО. Он приходит в ужас всякий раз, когда ты приходишь во дворец. Он думает, мы с братом – пара сатиров.

СИМОНЕТТА. Тогда на самом деле вы оба – истинные джентльмены. Пока. Почти.

ЛОРЕНЦО. На самом деле он прав. Даю совет, совершенно бесплатно. Тебе, скорее всего, доверять нам нельзя.

СИМОНЕТТА. Ты про мужчин вообще или про Медичи в частности?

ЛОРЕНЦО. Про всех. Но особенно про нас.

СИМОНЕТТА. Ты думаешь, мне нельзя доверять твоему брату?

ЛОРЕНЦО. Никогда не доверяй тому, у кого есть деньги. Они отравляют душу. Они позволяют покупать прекрасные вещи, которые услаждают жизнь, но при этом растлевают человека так безжалостно, что он теряет способность получать удовольствие от жизни. И находиться в апельсиновой роще со мной и Джулиано одновременно все равно, что напрашиваться на неприятности.

СИМОНЕТТА. Но женщины любят опасность. Твой брат только что мне это объяснил.

ЛОРЕНЦО. Не сомневаюсь, что объяснил. Но, несмотря на его репутацию, на самом деле он ничего не знает о женщинах.

СИМОНЕТТА. Ну, кое-что он знает.

ДЖУЛИАНО. Я не так красноречив, как Лоренцо. Он всегда вывернется.

СИМОНЕТТА. Не думаю я, что Лоренцо красноречив. Я думаю, он одинок. Деньги отравили его душу.

ЛОРЕНЦО. Это правда. У богатого нет друзей. Нет никого, кому он мог бы доверять. Все что-то от него хотят и тайно ненавидят.

СИМОНЕТТА. У людей ненависти к тебе нет.

ЛОРЕНЦО. Конечно, люди ненавидят нас. Мы всегда ненавидим тех, от кого зависим. Мои предки были крестьянами. Я правлю, потому что моя семья заработала большие деньги. Будь моя воля, я бы отдавал большую часть своего времени охоте.

СИМОНЕТТА. Так тебе нравится убивать?

ЛОРЕНЦО. Мне нравится гнаться.

СИМОНЕТТА. Но ты не отпускаешь животное, за которым гонишься. Догнав, ты его убиваешь.

ЛОРЕНЦО. Какой смысл отпускать его?

СИМОНЕТТА. А какой убивать?

ЛОРЕНЦО. Чтобы мы могли его съесть.

СИМОНЕТТА. Ты ешь лису?

ЛОРЕНЦО. Я ем оленя.

СИМОНЕТТА. Что ж, пожелаю оленю убежать от тебя.

ЛОРЕНЦО. Но я видел, как ты ела. Никогда не встречал девушку с таким отменным аппетитом. Ты – лицемерка, как и все остальные, потому что животное, как и все остальные. Очень красивое животное, но все равно животное.

СИМОНЕТТА. Я всегда отождествляла себя с животными. Мне постоянно снится, что за мной охотятся в лесу, а потом я просыпаюсь глубокой ночью, и не могу дышать.

ЛОРЕНЦО. И кто он, охотник в твоих снах?

СИМОНЕТТА. Не знаю. Может, ты.

(СИМОНЕТТА и ЛОРЕНЦО смотрят друг на дружку, ДЖУЛИАНО, в тревоге, на них обоих. Тут подбегают КЛАРИЧЕ, жена ЛОРЕНЦО и БЬЯНКА, его сестра. Они смеются, тащат с собой ЦЫГАНКУ).

БЬЯНКА. Симонетта. Ты нам нужна.

КЛАРИЧЕ. Цыганка предсказывает нам будущее по картам Таро.

СИМОНЕТТА. Может, я не хочу знать свое будущее. А может, уже знаю.

КЛАРИЧЕ. Никто этого не знает.

ЛОРЕНЦО. За исключением этой маленькой цыганки с засаленными картами. Откуда она взялась?

КЛАРИЧЕ. Мы с Бьянкой ее нашли. Она продавала цветы у главных ворот. Умирала от голода, но мы ее отмыли, она – очень хорошая служанка и по картам видит будущее.

БЬЯНКА. Она еще и гадает по ладони.

ЛОРЕНЦО. Это правда? Можешь ты увидеть будущее на моей ладони? (*Протягивает ей руку*). Что там написано? Что одна цыганка собирается есть мою еду и красть мои деньги?

ЦЫГАНКА (*берет руку, всматривается в ладонь*). Ты будешь плакать на Пасху, и прольется кровь кого-то еще.

ЛОРЕНЦО. И как это понимать?

ЦЫГАНКА. Будь добр к тем, кого любишь, пока можешь. Потому что они рождены, чтобы уйти.

ЛОРЕНЦО. Видишь, как мои жена и сестра тратят свое время? Таращатся на колоду карт, которую цыганская сирота принесла в мой дом, и пугают друг дружку сказками о воображаемых будущих.

СИМОНЕТТА. Возможно, будущее не более воображаемое, чем прошлое или настоящее. Это всего лишь разные страницы одной книги.

БЬЯНКА. Не обращай внимания на моего брата, Симонетта. На самом деле он такой же суеверный, как и мы. Пойдем, и позволь цыганке предсказать по картам твое будущее.

СИМОНЕТТА. Синьоры, прошу меня извинить. Нимфы уводят меня навстречу моей судьбе. Пожалуйста, в мое отсутствие говорите обо мне.

(СИМОНЕТТА убегает с КЛАРИЧЕ и БЬЯНКОЙ. ЦЫГАНКА готова последовать за ними, но ЛОРЕНЦО хватает ее за руку).

ЛОРЕНЦО. Не пугай их.

ЦЫГАНКА (*глядя ему в глаза*). Их я не пугаю. Я пугаю тебя.

(ЛОРЕНЦО смотрит на нее, отпускает руку. Она убегает).

ДЖУЛИАНО. Что ж, по меньшей мере, потечет не твоя кровь.

ЛОРЕНЦО. Она – маленькая шарлатанка. Но Симонетта очаровательна. Еще и умная. Меня всегда тянуло к умным женщинам.

ДЖУЛИАНО. Думаешь, она немного умнее меня?

ЛОРЕНЦО. Нет, она намного умнее тебя. Возможно, умнее и меня. Но я думаю, ты поступишь мудро, если найдешь себе другую пассию.

ДЖУЛИАНО. И почему так?

ЛОРЕНЦО. Потому что она – жена другого мужчины, а у нас с тобой много важных дел.

ДЖУЛИАНО. Может, у тебя много. Но не у меня.

ЛОРЕНЦО. Я знаю, ты не стремился брать на себя ответственность за управление Флоренцией. Я тоже. Но мы унаследовали это ответственность от наших отца и деда. Хорошо это или плохо, но Флоренция – наш город, и мы отвечаем за его благополучие. Кроме нас, никто не сможет удержать их в узде. Ты знаешь, сколь упрямы эти люди, переменчивы и склонны к самоуничтожению. Благодаря этому жить во Флоренции интересно, но управлять – практически невозможно. У нашего деда получалось очень хорошо, наш отец тоже как-то справлялся. Теперь город перешел к нам, и хотя бы один из нас должен быть под стать деду и отцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.